

Экспериментальные фильмы имеют рыночную перспективу

ПРИЗРАК КИНО НАД РОССИЕЙ

Иван Голунов

Лет десять назад в России появилось параллельное кино. О перспективах нового жанра в России мы говорим с Глебом Алейниковым, одним из родоначальников параллельного кино.

ГЛЕБ ОЛЕГОВИЧ, что такое параллельное кино?

— На мой взгляд, это понятие имеет исторический характер. Само словосочетание «параллельное кино» придумано не нами. Такого рода кино имеет разные приставки: экспериментальное, андеграундное, авангардное. Но у нас прижилось почему-то именно это понятие.

Для общества важно существование такого кино. Для тех людей, которые не могут или не хотят работать в большом кино, прерогатива параллельного кино — малобюджетные фильмы. И параллельное кино существует ради свободного самовыражения. Для нас важно, что параллельное кино подпитывает массовое искусство, телевидение. Многие люди, которые занимаются телевидением, большим кино, используют наши идеи, новые элементы визуального языка, которые мы изобретаем.

— Первые параллельные фильмы появились в 1984 году в Москве у вашего брата Игоря Алейникова, в Ленинграде у Юфита и даже в Ашхабаде. Какова причина их возникновения?

— Я не изучал процесс в подробностях, но начало 80-х было смутным временем. Приближалась перестройка, которой предшествовали определенные социальные настроения. Поколение, выросшее на пражской весне 1968 года, на ветру свобо-

ды, чувствовало, что Россия скоро изменится. И они стали экспериментировать.

— Не считаете ли вы, что, когда снимали на «Мосфильме» фильм «Трактористы-2» на государственные деньги, это был «отход» от параллельного кино?

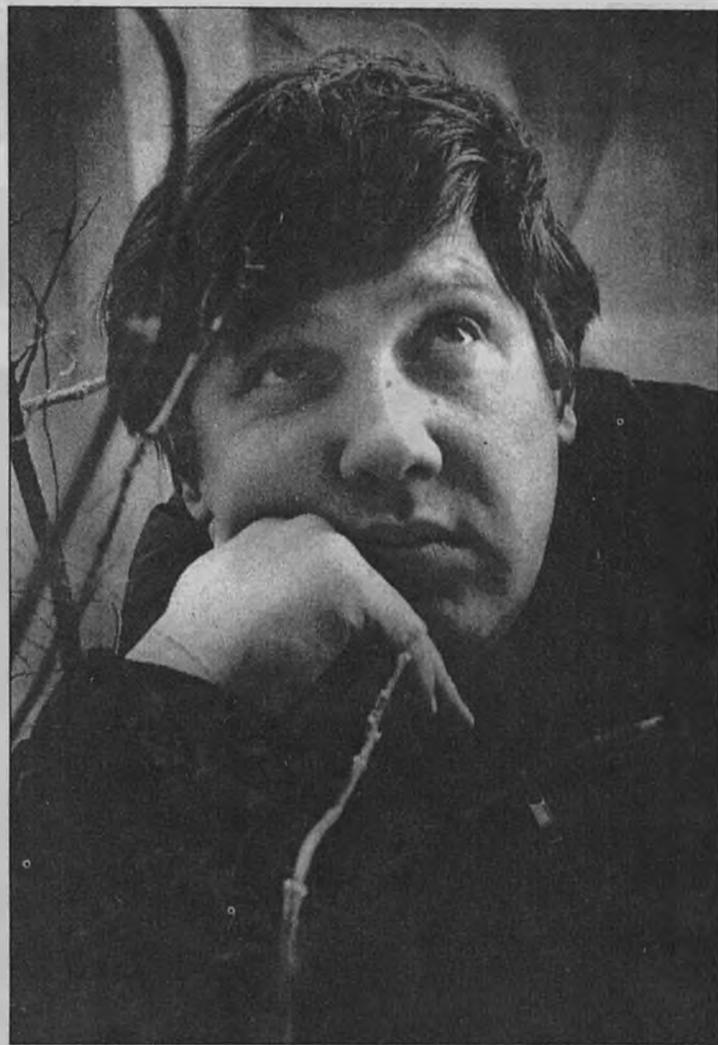
— Ну нет, это не государственный фильм. Хотя запускались мы на мосфильмовской студии «Курьер» на государственные деньги. После экономического кризиса 1992 года нас отстранили от госфинансирования, и нам пришлось искать деньги самим. Должны сказать большое спасибо киноведу Кириллу Разлогову, который нам в этом помог. Нельзя назвать это кино официальным, хотя, естественно, фильм делался с расчетом на восприятие среднего зрителя.

— Евгений Юфит с компанией «Союз» выпустил довольно большим тиражом свой фильм «Серебряные головы». Его покупают. Хотели ли бы и вы издать свои фильмы на видео?

— Мы, конечно же, хотим. У меня, например, в 1998 году вышли два фильма — «Трактористы-2» и «Дзенбоксинг». Последний вышел тиражом в 20 тысяч и сейчас практически раскуплен.

— Существуют две школы независимого кино — московская, более радикальная, интеллектуально запутанная, и ленинградская, более ориентированная на массового зрителя. Многие считают, что цель некоторых московских фильмов — эстетический эксперимент?

— Московские зрители плохо представляют себе питерцев, а там, помимо Юфита, есть еще и Кондратьев, Могилев, Безруков. Если брать объективно современное искусство Москвы и Питера, то в Питере изначально развивалось фигуративное искусство в отличие от Москвы, которая славилась своим кон-

Лидер киноавангардистов Глеб Алейников.
Фото Артема Чернова (НГ-фото)

цептуализмом. Юфит и все, кто вокруг него, рождены панк-культурой. Первый его фильм — это чистый панк.

— Кто ваш зритель?

— Мне кажется, что это молодые люди, которые стремятся к познанию, интересуются андеграундом, — таких в России очень много. В отличие от Европы, где независимое кино смотрит только 1/12 часть аудитории. В России параллельное кино имеет какой-то перспективный рынок. И если заниматься его раскруткой, оно может окупаться.

— В последние годы вы периодически проводили фестиваль параллельного кино «Синефантом». Будет ли он продолжен?

— Да, конечно. В начале 90-х

творческая активность авторов параллельного кино упала, многие ушли зарабатывать деньги, производство остановилось. В 1996-м мы собрались и решили возродить интерес к нашему жанру и стали устраивать просмотры в Музее кино. Показывали архивные материалы и фильмы, которые мы сделали за год. Так родился фестиваль.

— Возможно ли развитие параллельного кино в будущем?

— В принципе это проблема давняя, «смерть кино» началась еще в 60-х годах. Формирование киноязыка закончилось в 30-е годы, а потом лет тридцать он еще отшлифовывался. Сейчас задача не столько создать новый язык, сколько заполнить старые формы новыми идеями. ■